

9.6.94

Валентин РАСПУТИН:

«Я НЕ ВЕРЮ,

И все же это глобальное общество, о котором говорит Александр Зиновьев, я думаю, еще не пришло в Россию. Когда оно придет, дело в сроках, очевидно. Россия еще материк, еще цивилизация, такая страна, которая, очевидно, не сразу поддается наступлению глобального общества. Она будет оставаться до поры до времени со своей психологией и со своим характером.

Вот вы, Александр Александрович, говорите, что вы наблюдатель, а мы участники, очевидцы. Я позволю себе не согласиться с тем, что вы наблюдатель, хотя бы из-за той позиции, которую вы занимаете, даже из-за той боли, с которой вы говорите о том, что происходит в России. Ваша роль ведь была очень важной. Важной в том, что произошло с Россией, и в том, что сейчас происходит с Россией.

В одном из интервью, кажется польскому журналу с год назад, наверно, Владимир Максимов распрощался с Россией. Это было больно слышать, потому что вы лучше видите положение вещей, вы лучше знаете Запад, вы, зная Россию, смотрите на нее как бы трезвыми глазами со стороны. Иногда ка-

жется, что мы здесь невольно вживаемся в то, что происходит, погрязаем в той обстановке, в которой она существует, и это мешает нам говорить и мыслить здраво.

Остановка действительно давит, и выкарабкаться изпод нее очень трудно. У вас, казалось бы, есть все возможности рассуждать самостоятельно. Но с вами не хочется соглашаться.

Да, положение отчаянное, тяжелое, но сердцем человека, живущего в России, и будучи россиянином соглашаться не хочется. Именно потому, что к твоему слову прислушиваются, хотят знать, как ты думаешь, прислушиваются и к вашему слову, и в этом вот смысле вы нас все-таки не поддерживаете. Может быть, имеет смысл даже слухавить. Да, последнее дело лукавить, но почти наперекор собственному мнению, хочется поддерживать надежду в людях, которые остаются в России и борются за нее.

Россия совсем недавно была крестьянской страной, на 80—90 процентов, и то, что она была крестьянской страной, что она имела собственную идеологию, крестьянскую идеологию, это не могло исчезнуть сразу. И не исчезло, а скрылось под какую-то

другую идеологию, но внутри народа все равно живет. И, может быть, здесь надежда...

Сейчас Россия, мне кажется, больше слушает уже не патристическую прессу даже, а здравый смысл, который должен в конце концов победить. Россия лучше его понимает. Особенно после октябрьских событий, когда уже больше не надо никого убеждать, когда инструмент одурачивания полностью себя обнаружил, полностью себя показал. Когда говоришь с людьми где-то в глубинке, то видишь, что народ ушел в оборону, он закапывается для того, чтобы выжить на первое время, выжить, выдержать эту страшную обстановку, а потом и подняться со своим настроением, чтобы поднять свою страну. И вот это чувство самосохранения, мне кажется, проявляется в

«ЧТО ВСЕ ПРОПАЛО»

2 14

Сов. Россия, - 1994 - 9 июня - с. 2

том, что наш человек не видит его помимо государственности. Как бы он ни хотел выживать самостоятельно, все равно выживание происходит в определенной группе. Эти группы расширяются, они становятся все больше и больше.

Наш человек достаточно грамотен, чтобы понимать, что погибнет Россия, погибнет и он... Последние годы были очень важными. Они были страшными, но и важными, потому что были очень поучительными. Наши хозяйственники, директора предприятий и колхозов и совхозов прошли огромные университеты, политические, экономические, просто жизненные. Они теперь рассуждают совсем по-другому. Это несколько лет назад мы еще были растеряны. Сейчас эта растерянность все-таки прошла, особенно, я повторяю, после октября. Сейчас хозяйственники знают, что делать. И они готовы, и народ готов психологически к тому, что придется преодолевать ему.

Потом вы говорите, что все другое теперь — другая цивилизация, разумеется, другой Запад, и этот Запад теперь уже не потерпит Россию. Запад «не нужна правда о России», как говорил Ильин,

ему нужна удобная для него неправда о России. Но уже одно то, что Запад с такой настойчивостью выступает против России, пытается ее до конца уничтожить, говорит о том, что Россия все же существует, помимо физической силы, экономической силы, он понимает ту силу, которая может быть. Сила, о которой говорил Достоевский в «Записках подпольного человека». Это не сила даже, это нечто другое, какой-то выверт, «ферт» какой-то, когда человек вопреки всему не согласится с тем, что для него выгодно, что для него важно, и поступит по-невольному, так, как никто никогда не поступал. И это, может быть, именно в России так и случится.

Да, нас соблазняют выгодами, соблазняют западной жизнью, и именно потому, что соблазняют, русский человек поступит по-другому. Ведь, посмотрите, реклама то не очень идет. Где-то в Москве, в больших городах на нее клюют. А в России, в глубинной, то, что навязывается, вызывает неприятие, отторжение. В сибирской деревне не будут брать продукт уже потому, что его навязывают. Точно также и те правила, которые навязываются

России, не могут быть приняты потому, что слишком навязываются. Русский человек всегда относился с осторожностью, с подозрительностью к тому, что ему навязывается. Он всегда был самостоятельным, и «рабское положение» нашего человека слишком преувеличено. «Рабскость при коммунизме» тоже преувеличена. Русский человек себе на уме. Он действительно был подавлен, растерян, сейчас он начинает приходить в себя, а как он покажет себя спустя год или спустя два года, мы еще не знаем. Да, наступают периоды, когда ни во что начинаешь не верить. Но когда обращаешься лицом туда (не на Запад, а на Восток), то уже настроение меняется.

В смутное время никаких, я думаю, теоретических конференций о патриотизме, о государственности не было, а просто собрались люди в Нижнем Новгороде, в Ярославле, в других городах, стали отдавать деньги, стали приводить себя, своих друзей, свои семьи в отряды ополчения, и в конце концов всем жертвовали. Я не верю, что все пропало, не верю, потому что живу среди этих русских людей. Если не сохранять надежду, зачем тогда жить.